

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.М. Лебедева

*д. психол. н., профессор, главный научный сотрудник Центра
социокультурных исследований НИУ ВШЭ (Москва)*
nlebedeva@hse.ru

Д.Д. Строгов

*стажёр-исследователь Центра социокультурных исследований
НИУ ВШЭ (Москва)*

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА КРЕАТИВНОСТИ КАК РЕСУРС ОРАНЖЕВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ ОНТОГЕНЕЗА К РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу связи между возрастной динамикой креативности и потенциалом оранжевой (креативной) экономики в российских регионах. Опираясь на современные психологические и нейрокогнитивные исследования, авторы показывают, что различные компоненты творческого мышления, а именно, беглость, гибкость, оригинальность, семантическая глубина, подчиняются разной возрастной логике. Ранняя взрослость (18–35 лет) характеризуется высокой скоростью и когнитивной гибкостью. Зрелый возраст (35–60 лет) отличается накопленной экспертизой и генеративной мотивацией. Старший возраст (60+) даёт семантическую глубину и стратегическую избирательность. Сектора оранжевой экономики (ИТ, наука, архитектура, исполнительские искусства, народные промыслы и др.) предъявляют к занятым в них принципиально различные когнитивные требования. Это делает возрастную структуру населения структурным фактором регионального инновационного потенциала. На основе данных Росстата предложена типология российских регионов по возрастному профилю населения. Также сформирована матрица соответствия между демографическими типами регионов и секторами оранжевой экономики. Сформулированы рекомендации для дифференцированной региональной политики поддержки креативных индустрий.

Ключевые слова: креативность, онтогенез, возрастная динамика, оранжевая экономика, когнитивные профили, региональная политика.

JEL: E31, N75, I38, J11, O15, Z13

УДК: 159.954.4

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_162_175

© Н.М. Лебедева, Д.Д. Строгов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лебедева Н.М., Строгов Д.Д. Возрастная динамика креативности как ресурс оранжевой экономики: от онтогенеза к региональной политике // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 162–175. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_162_175.

FOR CITATION: Lebedeva N., Strogov D. Age Dynamics of Creativity As a Resource of the Orange Economy: from Ontogenesis to Regional Policy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 162–175. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_162_175.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00544. <https://rscf.ru/project/25-18-00544/>

Введение

Россия стареет. Медианный возраст населения вырос с 34 лет в 2002 г. до 40,5 лет по итогам переписи 2020 г., а в ряде регионов Центральной России превысил 43 года. Параллельно государство последовательно делает ставку на развитие «оранжевой» (креативной) экономики — совокупности отраслей, в основе которых лежит интеллектуальное и творческое производство. Перечень таких видов деятельности закреплён в обновлённом ОКВЭД и охватывает информационные технологии, науку и R&D, исполнительские искусства, дизайн, архитектуру, образование, народные промыслы [Абанкина, 2022]. Между тем в дискуссии о политике поддержки креативных индустрий остаётся без ответа один принципиальный вопрос. В равной ли мере разные отрасли оранжевой экономики доступны регионам с принципиально различной возрастной структурой населения?

Психологические исследования творчества давно установили, что креативность не является постоянной чертой. Она меняет свои механизмы и функции на протяжении всего жизненного пути человека [Lubart, Sternberg, 1998]. Скорость генерации идей и когнитивная гибкость достигают максимума в ранней взрослости (18–35 лет), тогда как оригинальность, глубина семантических связей и стратегическое мышление сохраняются и усиливаются в зрелом возрасте (35–60 лет) [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Patel, MacPherson, Hoffman, 2025]. Сектора оранжевой экономики при этом предъявляют к работникам разные когнитивные требования. Стартап в сфере IT нуждается в одном профиле, фундаментальная наука или культурные индустрии — в другом. Выходит, возрастная структура населения региона во многом определяет реальные преимущества или проблемы разных территорий в конкретных секторах.

Этот факт практически не учитывается ни в академических работах по экономической географии инноваций, ни в региональных стратегиях. Единый шаблон поддержки «креативных кластеров» копируется из региона в регион, хотя Чечня со средним возрастом около 29 лет и Тамбовская область со средним возрастом около 43 лет располагают принципиально разным человеческим капиталом.

Цель настоящей статьи — показать, как возрастная динамика креативности соотносится с требованиями различных отраслей оранжевой экономики и на этой основе предложить типологию российских регионов по их демографическому потенциалу для развития конкретных секторов. Работа опирается на обзор современных психологических и нейрокогнитивных исследований возрастной динамики творчества, анализ отраслевой структуры оранжевой экономики в России, демографическую типологию регионов по данным Росстата и их сопоставление в рамках единой аналитической матрицы. В конце формулируются рекомендации для дифференцированной региональной политики.

Возрастная динамика креативности на протяжении жизненного пути

Распространены два противоположных мифа о творчестве и возрасте. Первый заключается в том, что креативность принадлежит молодости. Второй говорит о том, что с годами она неизбежно угасает. Ни то, ни другое не соответствует тому, что показывают современные исследования.

Креативность сегодня понимается как способность генерировать идеи, которые одновременно новы и ценны [Runco, Jaeger, 2012]. Беглость, гибкость, оригинальность и семантическая глубина являются компонентами одного конструкта, но каждый из них следует своей возрастной логике [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014]. Именно это различие имеет прямые экономические следствия. Рассмотрим основные возрастные особенности креативности.

Детство и юность

Детский и подростковый периоды не являются непосредственным предметом настоящего анализа, однако без понимания того, как формируется творческий потенциал в ранние годы, трудно объяснить особенности его проявления впоследствии.

В дошкольном детстве (0–5 лет) ключевым механизмом развития креативности выступает символическая игра. Расс рассматривает сюжетно-ролевую игру как механизм интеграции эмоций и когний, создающий основу для дивергентного мышления [Russ, 2014]; Выготский указал на игру как ведущую деятельность дошкольного возраста, создающую зону ближайшего развития [Выготский, 1966]. Качество символической игры в дошкольные годы предсказывает показатели дивергентного мышления и учебные достижения в более позднем возрасте [Wallace, Russ, 2015].

В школьном возрасте (6–17 лет) происходит перестройка отношения между спонтанной креативностью и нормативными требованиями среды. «Спад креативности в четвёртом классе», описанный Торрансом [Torrance, 1968], по современным метааналитическим данным не является универсальным эффектом [Said-Metwaly et al., 2021]. Более устойчиво снижение показателей дивергентного мышления при переходе между школьными ступенями [He, Wong, 2015]. В подростковом возрасте (11–17 лет) творческое мышление тесно переплетается с формированием идентичности. Высокий уровень креативности связан с большей толерантностью к неопределённости и более широким горизонтом профессионального самоопределения [Sica et al., 2019; Sica et al., 2023].

С точки зрения экономики образовательная среда в детстве закладывает инновационный потенциал населения с горизонтом в 15–20 лет. Важно, насколько она поддерживает дивергентное мышление, игру и самостоятельность ребёнка. Инвестиции в дошкольное и школьное образование в этом смысле работают как часть инновационной политики с отложенным, но системным эффектом.

Ранняя взрослость (18–35 лет)

В ранней взрослости флюидный интеллект — скорость обработки информации, объём рабочей памяти и когнитивная гибкость — достигает своего пика [Salthouse, 2010]. Именно эти функции обеспечивают высокую беглость при генерации идей, способность удерживать множество условий задачи одновременно и гибко комбинировать элементы опыта. Нейрокогнитивные исследования показывают, что в этот период взаимодействие сети пассивного режима и сети исполнительного контроля достигает наибольшей слаженности [Beaty, Benedek, Silvia, Schacter, 2016; Kruse et al., 2023].

Исследование Кэнсер и коллег подтвердило, что рабочая память и когнитивная гибкость — значимые предикторы успешности в творческом решении проблем именно в ранней взрослости. Участники этой возрастной группы демонстрировали более высокую продуктивность в генерации идей и более сложные стратегии их комбинирования по сравнению со старшими [Cancer, Iannello, Salvi, Antonietti, 2023].

Важную роль играет и мотивационный профиль молодых взрослых. По компонентной модели Амабайл, внутренняя мотивация, поддерживаемая автономией и подлинным интересом к задаче, представляет собой ключевое условие творческой активности [Amabile, 2011]. В ранней взрослости мотивационная структура качественно меняется. Креативность оказывается тесно связанной с формирующейся профессиональной идентичностью и стремлением к мастерству. Открытость опыту, являющаяся одним из наиболее устойчивых предикторов творческой активности [Feist, 1998], достигает высоких значений именно в этот период.

Возрастные пики творческих достижений изучаются давно. Масштабный анализ научной продуктивности показал, что в дисциплинах, требующих быстрого концептуального синтеза и когнитивной гибкости, значимые достижения чаще приходятся на более ранний

возраст [Jones, Weinberg, 2011]. Лонгитюдные исследования подтверждают, что показатели творческого мышления, измеренные в детстве по тестам Торранса, предсказывают реальные творческие достижения во взрослой жизни [Cramond, Matthews-Morgan, Bandalos, Zuo, 2005].

Применительно к экономической сфере можно заключить, что тип мышления ранней зрелости, а именно высокая скорость, гибкость, толерантность к риску, органично соответствует требованиям IT, цифрового дизайна, стартап-предпринимательства, аудиовизуальных медиа. При этом относительно небольшой накопленный доменный опыт делает молодых работников эффективными генераторами идей, но менее результативными в ролях стратегов и руководителей сложных долгосрочных проектов.

Зрелый возраст (35–60 лет)

После сорока лет механика интеллекта уступает первенство его прагматике. Скорость, рабочая память и гибкость переключения отходят на второй план, а кристаллизованный интеллект, семантические знания и экспертные схемы набирают вес [Salthouse, 2012].

Данные метаанализов показывают, что дивергентное мышление в зрелом возрасте меняется неоднородно. Выявлено, что скорость генерации идей снижается, тогда как оригинальность и содержательная глубина остаются относительно стабильными при отсутствии жёсткого временного давления [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014]. Возрастные пики научной продуктивности варьируют по дисциплинам. Так, в биологии, социальных и гуманитарных науках пик цитируемости приходится на 45–55 лет, в то же время в физике и математике — на 30–35 [Jones, Weinberg, 2011]. Для достижения выдающихся результатов в сложных доменах требуется не менее 10 лет интенсивной работы [Simonton, 2000].

Существенную роль в зрелом возрасте играет нарастание генеративности — стремления создавать продукты, значимые для будущих поколений [Erikson, 1950]. Эмпирически подтверждено, что генеративная мотивация связана с вовлечённостью в наставничество и социально ориентированные формы творчества [McAdams, de St. Aubin, 1992]. С позиций теории жизненного пути, в зрелом возрасте человек всё более избирательно распределяет когнитивные ресурсы, компенсируя снижение скорости за счёт более глубокого использования накопленного знания [Baltes, Baltes, 1990]. Творческая активность в эти годы тесно связана с психологическим благополучием и жизненной удовлетворённостью [Lachman, 2015].

Для рынка труда это означает, что когнитивный и мотивационный профиль зрелого возраста органично соответствует требованиям наукоёмких, образовательных и культурных секторов оранжевой экономики. Речь идёт о фундаментальной науке, управлении инновациями, архитектуре, образовании, литературе и издательском деле, наставничестве. Именно зрелые специалисты формируют «хребет» инновационных экосистем как носители системного знания. Без этого знания идеи не превращаются в устойчивые продукты и институции.

Старший возраст (60+ лет)

Современные данные убедительно опровергают представление о старшем возрасте как о периоде неизбежного угасания творческого потенциала. Беглость мышления действительно снижается, однако оригинальность идей и их семантическая насыщенность сохраняются на высоком уровне при отсутствии жёсткого временного давления [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Ross et al., 2023]. Пожилые взрослые генерируют меньше идей, но эти идеи оказываются более проработанными, контекстуально обоснованными и семантически богатыми.

Нейровизуализационные исследования показывают, что сохранение когнитивного функционирования в преклонном возрасте связано с компенсаторной реорганизацией мозговых сетей. У пожилых взрослых при выполнении задач на дивергентное мышление наблюдается более распределённая активация областей мозга, что является

компенсаторным механизмом, позволяющим поддерживать продуктивность за счёт вовлечения дополнительных нейронных ресурсов [Adnan et al., 2019; Kruse et al., 2023].

Исследование Пател и коллег, посвящённое роли семантического контроля в творческом мышлении у людей 60–90 и 18–35 лет, показало, что возрастные различия в креативности связаны прежде всего с изменением механизмов семантического контроля, а не с общим снижением мыслительной продуктивности. Пожилые участники демонстрировали более точный отбор семантически релевантных ассоциаций и большую устойчивость к интерференции [Patel, MacPherson, Hoffman, 2025].

Немаловажна и социальная функция творчества в старшем возрасте. Исследование, проведённое на репрезентативной немецкой выборке людей старше 80 лет, подтвердило, что творческая активность связана со снижением одиночества и экзистенциальной тревоги [Hajek et al., 2025]. По Эриксону, центральная задача старости — интеграция против отчаяния [Erikson, 1950], а креативность выступает одним из психологических инструментов этой интеграции.

На практике это означает, что потенциал людей старшего возраста в оранжевой экономике недооценён. Меньшая скорость и беглость компенсируются у них семантической глубиной и накопленным мастерством. Эти качества определяют конкурентоспособность в народных промыслах, культурных индустриях, экспертном консультировании и образовании. Данные о возрасте успешных предпринимателей показывают, что вероятность успеха бизнеса, основанного предпринимателем, которому около 45 лет, статистически выше, чем у бизнеса, основанного тридцатилетним [Azoulay, Jones, Kim, Miranda, 2020].

Анализ трёх взрослых возрастных профилей приводит к выводу, принципиальному для понимания инновационного потенциала. Ни один из них не является «лучшим» сам по себе. Возрастное разнообразие в команде — не автоматическое преимущество, поскольку в организациях с негативным климатом в отношении возраста оно может оборачиваться конфликтами и снижением производительности [Kunze, Boehm, Bruch, 2011]. Но при позитивном возрастном климате и грамотной HR-политике картина меняется. Организации с высоким возрастным разнообразием демонстрируют более высокие показатели инновационной активности [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. Когнитивная гибкость молодых и семантическая экспертиза зрелых специалистов взаимно дополняют друг друга на разных стадиях инновационного процесса. В табл. 1 представлены сильные стороны и ограничения разных возрастных когнитивных профилей и сектора оранжевой экономики, приоритетные для работников тех или иных возрастов.

Таблица 1

Возрастные когнитивные профили и их релевантность для секторов оранжевой экономики

Возраст	Сильные стороны	Ограничения	Приоритетные сектора
18–35 лет	Беглость, гибкость, скорость, толерантность к риску	Невысокий доменный опыт, стратегическая незрелость	IT, цифровой дизайн, медиа, стартапы
35–60 лет	Кристаллизованный интеллект, экспертиза, генеративность	Снижение беглости и скорости	Наука, исследования и разработки, архитектура, образование, управление инновациями
60+ лет	Семантическая глубина, избирательность, мастерство	Снижение беглости, скорости обработки	Народные промыслы, культурные индустрии, экспертный консалтинг
Возрастно-разнородные команды	Синергия всех профилей	Требует управления климатом организации	Широкий спектр секторов

Источник: составлено авторами на основе [Salthouse, 2010; Salthouse, 2012; Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Kunze, Boehm, Bruch, 2013].

Оранжевая экономика в России

Понятие «оранжевой», или креативной, экономики вошло в научный и политический дискурс в начале 2000-х гг. Хоукинс определил её как совокупность отраслей, в которых экономическая ценность создаётся прежде всего посредством творческой деятельности и интеллектуального труда [Howkins, 2001]. Термин «оранжевая экономика» был закреплён в докладе Межамериканского банка развития, где оранжевый цвет выбран как символ творчества и культурного многообразия [Buitrago, Duque, 2013]. ЮНКТАД относит к ней широкий спектр отраслей, от традиционных искусств и ремёсел до высокотехнологичных цифровых индустрий. Они объединены тем, что их главным производственным ресурсом является творческий потенциал человека [UNCTAD, 2022].

Отечественные подходы к систематизации творческих индустрий разрабатывались в том числе в НИУ ВШЭ, в частности в работах Т.В. Абанкиной, которая последовательно анализировала структуру российского креативного сектора, тенденции его экспорта и меры государственной поддержки [Абанкина, 2022]. Параллельно велась работа по выделению соответствующих видов деятельности в рамках ОКВЭД, что открыло возможность для регулярного статистического мониторинга отрасли.

Опираясь на российскую классификацию и коды ОКВЭД-2, выделим восемь укрупнённых секторов оранжевой экономики. Информационные технологии и программирование (ОКВЭД 62, 63) работают по быстрому циклу разработки с высокой премией на скорость и когнитивную гибкость. Наука, исследования и разработки (ОКВЭД 72) создают ценность на длинном временном горизонте. Главный ресурс здесь заключается в накопленном доменном знании. Архитектура и дизайн (ОКВЭД 71.11, 74.1) совмещают требования к техническим знаниям, эстетическому чутью и пониманию потребительского контекста. Исполнительские искусства и развлечения (ОКВЭД 90) охватывают широкий возрастной диапазон, причём мастерство здесь накапливается десятилетиями. Аудиовизуальные и медиаиндустрии (ОКВЭД 59, 60) сочетают технологический и художественный компоненты. Издательское дело и литература (ОКВЭД 58) прямо зависят от глубины языковой и культурной компетентности. Образование и просвещение (ОКВЭД 85) требуют значительного собственного профессионального опыта педагога. Народные промыслы и традиционные ремёсла (ОКВЭД 32.99, 90) представляют собой отрасль, в которой мастерство приходит после многолетней практики.

Каждый из перечисленных секторов предъявляет специфические требования к когнитивному профилю работников. Их можно систематизировать по двум параметрам. Первый параметр касается скорости и гибкости. Здесь важно, насколько значима беглость генерации идей и быстрое переключение. Второй параметр связан с глубиной и экспертизой. Здесь ценится накопленный доменный опыт. Соотношение этих параметров определяет «возрастную чувствительность» отрасли, т. е. то, насколько её конкурентоспособность зависит от возрастного состава занятых (табл. 2).

Демографическая карта российских регионов

Возникает вопрос: насколько возрастная структура населения конкретного региона соответствует когнитивным требованиям тех или иных секторов оранжевой экономики.

По данным Всероссийской переписи 2020 г., средний возраст жителей России составил 40,5 лет — на 1,6 года больше, чем в 2010 г. [Итоги Всероссийской..., 2022]. Доля лиц пенсионного возраста превысила 25%. Но общероссийские цифры при этом скрывают чрезвычайно высокую межрегиональную дифференциацию. Разрыв в среднем возрасте между самым «молодым» и самым «зрелым» регионом страны превышает 14 лет [Оценка численности..., 2019].

Таблица 2

Сектора оранжевой экономики и их требования к возрастному когнитивному профилю

Сектор	Ключевые когнитивные требования	Преимущественный возрастной профиль
IT и программирование	Скорость, гибкость, алгоритмическое мышление	18–35 лет
Наука и R&D	Доменная экспертиза, концептуальная интеграция	35–55 лет (варьирует по дисциплине)
Архитектура и дизайн	Сочетание технических знаний и эстетики	30–50 лет
Исполнительские искусства	Мастерство + физические возможности	Широкий диапазон; пик 25–45 лет
Аудиовизуальные медиа	Скорость + технологическая компетентность	25–40 лет
Издательство и литература	Языковая глубина, жизненный опыт	35–60+ лет
Образование	Экспертиза, педагогический опыт	40–65+ лет
Народные промыслы	Мастерство, культурная идентичность	50+ лет

Источник: составлено авторами на основе классификации ОКВЭД-2 и [UNCTAD, 2022; Абанкина, 2022].

По данным Росстата, наиболее молодой регион России — Чеченская Республика (средний возраст 28,7 лет); следом идут Республика Тыва (29,8 лет), Республика Ингушетия (31,6 лет), Республика Дагестан (33,0 лет) [Оценка численности..., 2019]. Особняком стоят ресурсные регионы, прежде всего Ямало-Ненецкий автономный округ (33,9 лет), где молодость населения обусловлена притоком трудовых мигрантов, а не высокой рождаемостью.

Молодые регионы располагают значительным трудовым ресурсом с высоким потенциалом в части скорости и когнитивной гибкости. Вместе с тем они, как правило, испытывают дефицит накопленного доменного знания и страдают от оттока наиболее образованной молодёжи в крупные центры [Мкртчян, 2017].

Наиболее «зрелые» по возрастной структуре — Тамбовская область (43,4 лет), Тульская область (43,3 лет), Рязанская область (42,8 лет), Пензенская область (42,6 лет) [Оценка численности..., 2019]. Доля лиц старше 65 лет составляет здесь 23–26% при среднероссийском уровне около 19%. Молодёжная когорта сокращается вследствие устойчивого миграционного оттока.

Важно, однако, что «зрелость» возрастной структуры сочетается в этих регионах с реальной экспертной глубиной работающего населения и богатым культурным наследием. Именно здесь нередко сохраняются развитые традиции художественных промыслов. Тульская область славится оружейным и самоварным делом. Рязанская область известна кружевоплетением. Тамбовская область сохранила вышивку и гончарное дело.

Это наиболее многочисленная группа, охватывающая большинство субъектов РФ. Внутри неё выделяются два принципиально разных подтипа. Москва (средний возраст 42,3 лет) формально близка к «зрелым» регионам, однако её «зрелость» обусловлена не депопуляцией, а сочетанием высокой продолжительности жизни и постоянного притока молодёжи. Результатом является максимальное возрастное разнообразие занятого населения, служащее ключевым конкурентным преимуществом для инновационной экономики [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. Университетские регионы (Новосибирская, Томская, Свердловская, Нижегородская области) отличаются повышенной концентрацией молодёжи 18–25 лет при наличии развитой научной инфраструктуры.

На региональный демографический профиль (табл.3) влияет и процесс «двойного старения», т. е. одновременного оттока молодёжи и естественного старения остающегося населения. По оценкам, численность населения в трудоспособном возрасте сокращается более чем в половине субъектов Федерации [Вишневский, Щербакова, 2018].

Таблица 3

Типология российских регионов по возрастной структуре

Тип региона	Средний возраст	Примеры регионов	Демографические особенности
«Молодые»	до 33–34 лет	Чечня (28,7), Тыва (29,8), Ингушетия (31,6), Дагестан (33,0)	Высокая рождаемость, отток образованной молодёжи
«Средние» — крупные центры	40–43 лет	Москва (42,3), Санкт-Петербург (42,4)	Высокое возрастное разнообразие, приток мигрантов
«Средние» — университетские	37–41 лет	Новосибирская (39,7), Томская (38,8), Свердловская обл. (40)	Повышенная доля молодёжи 18–25 лет, развитая научная инфраструктура
«Средние» — типичные	37–42 лет	Большинство регионов Урала, Поволжья, Юга (~40,5)	Профиль, близкий к общероссийскому
«Зрелые»	свыше 42–43 лет	Тамбовская (43,4), Тульская (43,3), Рязанская (42,8)	Высокая доля лиц 65+, богатое культурное наследие

Источник: составлено авторами по данным Росстата, 2019, 2022 гг.

Возрастной потенциал регионов и приоритеты оранжевой экономики

Рассмотрев возрастные когнитивные профили, отраслевые требования к человеческому капиталу и демографическую типологию регионов, перейдем к соединению этих компонентов анализа воедино.

Поскольку разные отрасли оранжевой экономики предъявляют неодинаковые когнитивные требования к работникам, а когнитивный профиль систематически меняется с возрастом, возрастная структура населения региона является структурным фактором его сравнительного преимущества в конкретных секторах оранжевой экономики. Регионы с молодой возрастной структурой теоретически хорошо совместимы с требованиями IT-индустрии, цифрового дизайна, разработки мобильных приложений. Однако здесь обнаруживается принципиальное противоречие. Демографический потенциал и институциональная готовность к его реализации расходятся. Чтобы молодёжная когорта стала реальным ресурсом цифровых индустрий, нужны развитая система высшего образования, венчурная инфраструктура, рынок квалифицированного труда. В большинстве «молодых» регионов эти условия пока не созданы в достаточной мере. Отсюда естественный результат — наиболее подготовленная молодёжь уезжает в крупные центры.

Вместе с тем есть сектор, где «молодые» регионы способны реализовать сочетание демографического и культурного потенциала. Речь идёт о народных промыслах и традиционных ремёслах. Здесь молодость населения сама по себе не создаёт преимущества. Но в регионах с живой ремесленной традицией (прежде всего республики Северного Кавказа) она открывает возможность для обновления отрасли через цифровые инструменты маркетинга и выхода на национальный и международный рынок.

Регионы с высокой долей зрелого и пожилого населения в доминирующем дискурсе об инновациях нередко воспринимаются как «демографически неблагоприятные». Этот вывод представляется поспешным. Зрелый возраст формирует когнитивный профиль,

оптимальный для наукоёмких, образовательных и культурных секторов. Речь идёт о накопленной доменной экспертизе, стратегическом мышлении, генеративной мотивации.

Отдельного внимания заслуживает «серебряное предпринимательство». Исследования показывают, что вероятность успеха бизнеса, основанного предпринимателем возраста около 45 лет, статистически выше, чем основанного тридцатилетним предпринимателем [Azoulay et al., 2020]. Накопленный опыт, социальный капитал и устойчивость к стрессу с лихвой компенсируют меньшую скорость адаптации. Для «зрелых» регионов развитие инфраструктуры поддержки зрелого предпринимательства — потенциально более результативная стратегия, чем попытки воспроизвести модель молодёжных стартапов при отсутствии соответствующего демографического ресурса.

Москва и Санкт-Петербург занимают особое место. Устойчивый приток молодёжи при сохранении крупных когорт зрелых специалистов формирует максимальное возрастное разнообразие занятого населения. Именно это разнообразие, а не просто «молодость» или «зрелость» сами по себе, является ключевым конкурентным преимуществом мегаполисов в инновационной экономике [Kunze, Boehm, Bruch, 2013].

Университетские регионы второго эшелона располагают специфической демографической структурой. Повышенная концентрация молодёжи 18–25 лет в сочетании с развитой научной инфраструктурой советского и постсоветского периода делает их потенциально сильными площадками для наукоёмких секторов оранжевой экономики. Однако это справедливо при условии удержания выпускников в регионе. В целом для России уровни соответствия демографического потенциала регионов требованиям различных секторов оранжевой экономики представлены в табл. 4.

Таблица 4

Матрица демографического потенциала регионов для секторов оранжевой экономики
(++ высокое соответствие; + умеренное; — низкое; ± потенциал при дополнительных условиях)

Сектор	«Молодые»	Крупные центры	Университетские	«Типичные»	«Зрелые»
IT и программирование	±	++	++	+	—
Наука, исследования и разработки	—	++	++	+	+
Архитектура и дизайн	±	++	+	+	+
Исполнительские искусства	+	++	+	+	+
Аудиовизуальные медиа	+	++	+	+	±
Издательства и литература	—	++	+	+	++
Образование	±	++	++	+	++
Народные промыслы	+	±	—	+	++

Источник: составлено авторами.

Рекомендации для региональной политики поддержки оранжевой экономики

Сложившаяся в России модель поддержки креативных индустрий в значительной мере воспроизводит единый институциональный шаблон, безотносительно к демографическому профилю конкретного региона. Между тем возрастные особенности населения являются структурным фактором сравнительного преимущества территории в конкретных секторах оранжевой экономики. Игнорирование этого фактора снижает отдачу от инвестиций в инновационную инфраструктуру.

Принципиальная рекомендация состоит в переходе от универсальных к дифференцированным инструментам поддержки оранжевой экономики. Необходимо учитывать демографический профиль региона при определении приоритетных секторов финансирования. Современные федеральные программы (субсидии технопаркам, венчурные фонды, гранты стартапам) разработаны преимущественно под модель молодёжного технологического предпринимательства. Для «зрелых» регионов Центральной России она объективно нерелевантна.

Конкретные меры могут включать введение демографического критерия при распределении субсидий на развитие креативных кластеров, отдельные программы поддержки «серебряного предпринимательства», ориентированные на основателей бизнеса старше 45–50 лет, а также включение показателей развития традиционных ремёсел и культурных индустрий в систему оценки инновационного потенциала регионов наравне с числом стартапов и патентов.

На региональном уровне ключевой принцип можно сформулировать как демографический реализм. Стратегии развития оранжевой экономики должны опираться на реальный возрастной профиль трудоспособного населения, а не на желаемый образ «инновационного региона», воспроизводящий московскую или «кремниевую» модель.

Для «молодых» регионов это означает приоритет в развитии цифровой инфраструктуры и дистанционной занятости при одновременном создании механизмов, позволяющих молодёжи оставаться экономически связанной с регионом происхождения. Для «зрелых» регионов речь идёт о фокусировании внимания на секторах, где накопленный опыт является конкурентным преимуществом. Это инфраструктура поддержки зрелого предпринимательства, кластеры традиционных ремёсел, культурный туризм. Для университетских регионов важно создание условий для удержания выпускников через формирование региональных венчурных экосистем и партнёрства университетов с местным бизнесом по модели тройной спирали [Etzkowitz, Leydesdorff, 2000].

Третий уровень рекомендаций адресован работодателям в секторе креативных индустрий. Как было отмечено ранее, максимальная инновационная продуктивность достигается в возрастно-разнородных командах при позитивном климате в отношении возраста [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. Системное внедрение таких практик предполагает отказ от возрастной дискриминации при найме; структурированные программы наставничества и «обратного наставничества» (reverse mentoring), обеспечивающие двунаправленную передачу знаний между поколениями; гибкие форматы занятости для специалистов старшего возраста — проектная занятость, консультационные контракты, неполная ставка.

Заключение

В настоящей статье предпринята попытка соединить два массива знания, развивавшихся практически независимо друг от друга. Это психология возрастной динамики креативности и экономика креативных индустрий в её региональном измерении.

Психологические и нейрочувствительные исследования убедительно показывают, что креативность не угасает с возрастом. Она меняет свои механизмы, функции и формы проявления. Беглость и когнитивная гибкость достигают максимума в ранней взрослости. Семантическая глубина, экспертная интеграция и стратегическое мышление нарастают в зрелом возрасте. Избирательная точность и смысловая насыщенность сохраняются и в старшем возрасте [Palmiero, Di Giacomo, Passafiume, 2014; Patel, MacPherson, Hoffman, 2025]. Возрастные изменения означают не деградацию творческого потенциала, а его качественную трансформацию.

Сектора оранжевой экономики предъявляют принципиально различные когнитивные требования к занятым. Российские регионы при этом демонстрируют чрезвычайно

высокую дифференциацию по возрастной структуре населения. Разрыв в среднем возрасте между самым молодым и самым зрелым субъектом Федерации превышает 14 лет [Оценка численности..., 2019]. Потому закономерно, что находящиеся на крайних позициях в российской возрастной дифференциации Чечня (28,7 лет) и Тамбовская область (43,4 лет) объективно могут предоставить разные структурные условия для развития тех или иных секторов креативной экономики.

Из этого следует центральный вывод. Возрастная структура населения региона является структурным фактором его сравнительного преимущества в конкретных секторах оранжевой экономики. Политика, игнорирующая эту разницу и транслирующая единый шаблон инновационного развития во все регионы, заведомо работает вхолостую там, где демографический ресурс не соответствует предлагаемой модели.

Особого внимания заслуживает вывод о значении возрастного разнообразия. Регионы и организации, сочетающие все три возрастных профиля, обнаруживают структурное преимущество перед возрастно-однородными территориями и коллективами [Kunze, Boehm, Bruch, 2013]. «Зрелые» регионы Центральной России не являются демографически бесперспективными для оранжевой экономики. Они перспективны в тех её секторах, где накопленное мастерство, культурная идентичность и экспертная глубина служат главным производственным ресурсом.

Демографическое старение России представляет собой свершившийся факт. Вопрос не в том, как «омолодить» население. Вопрос в том, как выстроить экономику, способную использовать творческий потенциал людей на всех этапах их жизненного пути. Психология онтогенеза креативности даёт для этого необходимое научное основание. Региональная политика может стать инструментом его практической реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абанкина Т.В. (2022). Креативная экономика в России: новые тренды // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (54). С. 221–228. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13.
- Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. (2018). Демографические тормоза экономики // *Вопросы экономики*. № 6. С. 48–70.
- Выготский Л. С. (1966). Игра и её роль в психическом развитии ребёнка // *Вопросы психологии*. № 6. С. 62–76.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. (2022). Т. 2: *Возрастно-половой состав населения*. — М.: Росстат.
- Мкртчян Н.В. (2017). Миграция молодёжи из малых городов России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15.
- Оценка численности постоянного населения по полу и возрасту (2019). М.: Росстат.
- Adnan A., Beaty R.E., Silvia P.J., Spreng R.N., Turner G.R. (2019). Creative aging: Functional brain networks associated with divergent thinking in older and younger adults // *Neurobiology of Aging*. Vol. 75. Pp. 150–158.
- Amabile T. (2011). Componential theory of creativity // *Encyclopedia of Management Theory* / E. H. Kessler (ed.). — Boston: Harvard Business School. Pp. 538–544.
- Azoulay P., Jones B.F., Kim J.D., Miranda J. (2020). Age and high-growth entrepreneurship // *American Economic Review: Insights*. Vol. 2. No. 1. Pp. 65–82. DOI: 10.1257/aeri.20180582.
- Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation // *Successful aging* / P. B. Baltes, M. M. Baltes (eds.). — New York: Cambridge University Press. Pp. 1–34.
- Beaty R.E., Benedek M., Silvia P.J., Schacter D.L. (2016). Creative cognition and brain network dynamics // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20. No. 2. Pp. 87–95.
- Buitrago P.F., Duque Márquez I. (2013). *The Orange Economy: An Infinite Opportunity*. — Washington, DC: Inter-American Development Bank.
- Cancer A., Iannello P., Salvi C., Antonietti A. (2023). Executive functioning and divergent thinking predict creative problem-solving in young adults and elderlies // *Psychological Research*. Vol. 87. No. 2. Pp. 388–396. DOI: 10.1007/s00426-022-01678-8.
- Cramond B., Matthews-Morgan J., Bandalos D., Zuo L. (2005). A report on the 40-year follow-up of the Torrance Tests of Creative Thinking // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 49. No. 4. Pp. 283–291.
- Erikson E. H. (1950). *Childhood and society*. — N. Y.: W. W. Norton.

- Etzkowitz H., Leydesdorff L. (2000). The dynamics of innovation: from National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix // *Research Policy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 109–123.
- Feist G. J. (1998). A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 2. No. 4. Pp. 290–309.
- Hajek A., Gyasi R.M., Peltzer K., König H.-H., Pengpid S. (2025). Creative aging: Unraveling the psychosocial benefits of art among Germany's oldest old // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 40. No. 1. Art. e70039. DOI: 10.1002/gps.70039
- He W., Wong W. (2015). Creativity slump and school transition stress // *Learning and Individual Differences*. Vol. 43. Pp. 185–190.
- Howkins J. (2001). *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. — London: Allen Lane.
- Jones B.F., Weinberg B.A. (2011). Age dynamics in scientific creativity // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 108. No. 47. Pp. 18910–18914.
- Kruse J.A. et al. (2023). Changes of creative ability and underlying brain network connectivity throughout the lifespan // *Brain and Cognition*. Vol. 168. Art. 105975. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2023.105975>
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2011). Age diversity, age discrimination climate and performance consequences // *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 32. No. 2. Pp. 264–290.
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2013). Organizational performance consequences of age diversity: Inspecting the role of diversity-friendly HR policies and top managers' negative age stereotypes // *Journal of Management Studies*. Vol. 50. No. 3. Pp. 413–442. DOI: 10.1111/joms.12016.
- Lachman M.E. (2015). Mind the gap in the middle: A call to study midlife // *Research in Human Development*. Vol. 12. No. 3–4. Pp. 327–334.
- Lubart T.I., Sternberg R.J. (1998). Creativity across time and place // *High Ability Studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 59–74.
- McAdams D.P., de St. Aubin E. (1992). A theory of generativity and its assessment // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 62. No. 6. Pp. 1003–1015.
- Palmiero M., Di Giacomo D., Passafiume D. (2014). Divergent thinking and age-related changes // *Creativity Research Journal*. Vol. 26. No. 4. Pp. 456–460.
- Patel T., MacPherson S.E., Hoffman P. (2025). Investigating age-related differences in semantic control mechanisms involved in creative cognition // *Memory & Cognition*. Advance online publication. DOI: 10.3758/s13421-025-01753-6.
- Ross S.D., Lachmann T., Jaarsveld S., Riedel-Heller S.G., Rodriguez F.S. (2023). Creativity across the lifespan: Changes with age and with dementia // *BMC Geriatrics*. Vol. 23. Art. 160. DOI: 10.1186/s12877-023-03825-1.
- Runco M.A., Jaeger G.J. (2012). The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 24. No. 1. Pp. 92–99.
- Russ S.W. (2014). *Pretend play in childhood: Foundation of adult creativity*. — Washington: American Psychological Association.
- Said-Metwally S. et al. (2021). Does the fourth-grade slump in creativity actually exist? A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. Vol. 33. Pp. 275–298. DOI: 10.1007/s10648-020-09547-9.
- Salthouse T.A. (2010). Selective review of cognitive aging // *Journal of the International Neuropsychological Society*. Vol. 16. No. 5. Pp. 754–760.
- Salthouse T.A. (2012). Consequences of age-related cognitive declines // *Annual Review of Psychology*. Vol. 63. Pp. 201–226.
- Sica L.S. et al. (2019). Creativity as identity skill? Late adolescents' management of identity // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 53. No. 4. Pp. 457–471.
- Sica L.S. et al. (2023). Creativity and vocational identity in late adolescence // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. Vol. 23. No. 2. Pp. 363–380. DOI: 10.1007/s10775-022-09521-7.
- Simonton D.K. (2000). Creative development as acquired expertise // *Developmental Review*. Vol. 20. No. 2. Pp. 283–318.
- Torrance E.P. (1968). A longitudinal examination of the fourth grade slump in creativity // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 12. No. 4. Pp. 195–199.
- UNCTAD. (2022). *Creative Economy Outlook 2022*. — Geneva: United Nations.
- Wallace C.E., Russ S.W. (2015). Pretend play, divergent thinking, and math achievement in girls // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 9. No. 3. Pp. 296–305.

REFERENCES

- Abankina T.V. (2022). Creative economy in Russia: new trends // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 2(54). Pp. 221–228. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13 (In Russ.).
- Adnan A., Beaty R.E., Silvia P.J., Spreng R.N., Turner G.R. (2019). Creative aging: Functional brain networks associated with divergent thinking in older and younger adults // *Neurobiology of Aging*. Vol. 75. Pp. 150–158.
- Amabile T. (2011). Componential theory of creativity // *Encyclopedia of Management Theory* / E. H. Kessler (ed.). — Boston: Harvard Business School. Pp. 538–544.
- Azoulay P., Jones B.F., Kim J.D., Miranda J. (2020). Age and high-growth entrepreneurship // *American Economic Review: Insights*. Vol. 2. No. 1. Pp. 65–82. DOI: 10.1257/aeri.20180582/

- Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation // *Successful aging* / P.B. Baltes, M.M. Baltes (eds.). — N. Y.: Cambridge University Press. Pp. 1–34.
- Beaty R.E., Benedek M., Silvia P.J., Schacter D.L. (2016). Creative cognition and brain network dynamics // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20. No. 2. Pp. 87–95.
- Buitrago P.F., Duque Márquez I. (2013). *The Orange Economy: An Infinite Opportunity*. — Washington, DC: Inter-American Development Bank.
- Cancer A., Iannello P., Salvi C., Antonietti A. (2023). Executive functioning and divergent thinking predict creative problem-solving in young adults and elderlies // *Psychological Research*. Vol. 87. No. 2. Pp. 388–396. DOI: 10.1007/s00426-022-01678-8.
- Cramond B., Matthews-Morgan J., Bandalos D., Zuo L. (2005). A report on the 40-year follow-up of the Torrance Tests of Creative Thinking // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 49. No. 4. Pp. 283–291.
- Erikson E.H. (1950). *Childhood and society*. — N. Y.: W. W. Norton.
- Etzkowitz H., Leydesdorff L. (2000). The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix // *Research Policy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 109–123.
- Feist G.J. (1998). A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 2. No. 4. Pp. 290–309.
- Hajek A., Gyasi R.M., Peltzer K., König H.-H., Pengpid S. (2025). Creative aging: Unraveling the psychosocial benefits of art among Germany’s oldest old // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 40. No. 1. Art. e70039. DOI: 10.1002/gps.70039
- He W., Wong W. (2015). Creativity slump and school transition stress // *Learning and Individual Differences*. Vol. 43. Pp. 185–190.
- Howkins J. (2001). *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. — London: Allen Lane.
- Jones B.F., Weinberg B.A. (2011). Age dynamics in scientific creativity // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 108. No. 47. Pp. 18910–18914.
- Kruse J.A. et al. (2023). Changes of creative ability and underlying brain network connectivity throughout the lifespan // *Brain and Cognition*. Vol. 168. Art. 105975. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2023.105975>
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2011). Age diversity, age discrimination climate and performance consequences // *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 32. No. 2. Pp. 264–290.
- Kunze F., Boehm S.A., Bruch H. (2013). Organizational performance consequences of age diversity: Inspecting the role of diversity-friendly HR policies and top managers’ negative age stereotypes // *Journal of Management Studies*. Vol. 50. No. 3. Pp. 413–442. DOI: 10.1111/joms.12016.
- Lachman M.E. (2015). Mind the gap in the middle: A call to study midlife // *Research in Human Development*. Vol. 12. No. 3–4. Pp. 327–334.
- Lubart T.I., Sternberg R.J. (1998). Creativity across time and place // *High Ability Studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 59–74.
- McAdams D.P., de St. Aubin E. (1992). A theory of generativity and its assessment // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 62. No. 6. Pp. 1003–1015.
- Mkrtchyan N.V. (2017). Youth migration from small towns in Russia // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. No. 1. Pp. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (In Russ.)
- Palmiero M., Di Giacomo D., Passafiume D. (2014). Divergent thinking and age-related changes // *Creativity Research Journal*. Vol. 26. No. 4. Pp. 456–460.
- Patel T., MacPherson S.E., Hoffman P. (2025). Investigating age-related differences in semantic control mechanisms involved in creative cognition // *Memory & Cognition*. Advance online publication. DOI: 10.3758/s13421-025-01753-6.
- Population estimates by sex and age* (2019).- Rosstat. (In Russ.).
- Results of the 2020 All-Russian Population Census* (2022). Vol. 2: *Age and sex composition*. — M.: Rosstat. (In Russ.).
- Ross S.D., Lachmann T., Jaarsveld S., Riedel-Heller S.G., Rodriguez F.S. (2023). Creativity across the lifespan: Changes with age and with dementia // *BMC Geriatrics*. Vol. 23. Art. 160. DOI: 10.1186/s12877-023-03825-1.
- Runco M.A., Jaeger G.J. (2012). The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 24. No. 1. Pp. 92–99.
- Russ S.W. (2014). *Pretend play in childhood: Foundation of adult creativity*. — Washington: American Psychological Association.
- Said-Metwaly S. et al. (2021). Does the fourth-grade slump in creativity actually exist? A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. Vol. 33. Pp. 275–298. DOI: 10.1007/s10648-020-09547-9.
- Salthouse T.A. (2010). Selective review of cognitive aging // *Journal of the International Neuropsychological Society*. Vol. 16. No. 5. Pp. 754–760.
- Salthouse T.A. (2012). Consequences of age-related cognitive declines // *Annual Review of Psychology*. Vol. 63. Pp. 201–226.
- Sica L.S. et al. (2019). Creativity as identity skill? Late adolescents’ management of identity // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 53. No. 4. Pp. 457–471.

- Sica L.S. et al. (2023). Creativity and vocational identity in late adolescence // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. Vol. 23. No. 2. Pp. 363–380. DOI: 10.1007/s10775-022-09521-7.
- Simonton D.K. (2000). Creative development as acquired expertise // *Developmental Review*. Vol. 20. No. 2. Pp. 283–318.
- Torrance E.P. (1968). A longitudinal examination of the fourth grade slump in creativity // *Gifted Child Quarterly*. Vol. 12. No. 4. Pp. 195–199.
- UNCTAD. (2022). *Creative Economy Outlook 2022*. — Geneva: United Nations.
- Vishnevsky A.G., Shcherbakova E.M. (2018). Demographic brakes of the economy // *Voprosy ekonomiki*. No. 6. Pp. 48–70. (In Russ.).
- Vygotsky L.S. (1966). Play and its role in the mental development of the child // *Voprosy psikhologii*. No. 6. Pp. 62–76. (In Russ.).
- Wallace C.E., Russ S.W. (2015). Pretend play, divergent thinking, and math achievement in girls // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 9. No. 3. Pp. 296–305.

Лебедева Надежда Михайловна

ORCID: 0000-0002-2046-4529

nlebedeva@hse.ru

Nadezhda Lebedeva

Doctor of Psychology, Professor, Principal Research Fellow, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-2046-4529

nlebedeva@hse.ru

Строгов Даниил Денисович

strogov.daniil@yandex.ru

Daniil Strogov

Research Assistant, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

strogov.daniil@yandex.ru

AGE DYNAMICS OF CREATIVITY AS A RESOURCE OF THE ORANGE ECONOMY: FROM ONTOGENESIS TO REGIONAL POLICY

Abstract. The article examines the relationship between the age-related dynamics of creativity and the potential of the orange (creative) economy in Russian regions. Drawing on contemporary psychological and neurocognitive research, the authors demonstrate that different components of creative thinking—fluency, flexibility, originality, and semantic depth—follow distinct age-related patterns. Early adulthood (18–35 years) is characterized by high processing speed and cognitive flexibility; middle adulthood (35–60 years) by accumulated expertise and generative motivation; older adulthood (60+) by semantic depth and strategic selectivity. Sectors of the orange economy (IT, science, architecture, performing arts, traditional crafts, etc.) impose fundamentally different cognitive demands, making a region's age structure a structural determinant of its innovation potential. Drawing on Rosstat data, the authors propose a typology of Russian regions by age profile and construct a matrix mapping demographic region types onto orange-economy sectors. They conclude with recommendations for differentiated regional policies to support creative industries.

Keywords: *creativity, ontogenesis, age dynamics, orange economy, cognitive profiles, regional policy.*

JEL: E31, N75, I38, J11, O15, Z13.